
В. Ф. ПЕТРЕНКО

ИНТУИТИВИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

На основании косвенных данных аргументируется смелая гипотеза о том, что в глубинах индивидуальной памяти заключена информация о миллионах лет развития человечества, миллиардах лет эволюции живого вещества, Земли и Космоса.

Наряду с реконструкцией исторической ментальности предмет исторической психологии включает и потенциально возможные траектории исторического бытия, и картины мира, где ставшее и актуально существующее бытие есть только одна из воплотившихся реализаций потенциально возможного, только одно из состояний, к которому могла бы прийти эволюционирующая система.

Применительно к истории сослагательное наклонение – «что было бы, если бы реализовалась альтернативная версия значимого исторического события», как бы в этом случае развивались обстоятельства и формировались общественный менталитет и культура, – использовал Дж. Тойнби (1991). Пример его анализа – гипотетические зарисовки такого типа: каким мог быть архитектурный образ европейских городов, если бы в битве с арабами при Пуатье победило не объединенное рыцарство христианского мира, а мавры. Применительно к нашей новейшей истории это могут быть такие построения: куда пошло бы развитие СССР и России, если бы в августе 1991 года победили лидеры ГКЧП, или, более конкретно, куда могла бы привести цепочка этих событий, если бы в начале путча первый президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин был арестован.

В более узком плане историческая психология направлена на реконструкцию духа отечественной истории, анализ стилей жизни, системы ценностей, нравов, жизненных сценариев и идеалов различных социальных слоев в различные исторические периоды. Например, картина мира и система ценностей наших соотечественников 20–30-х годов прошлого века, в силу понятных причин связанных с тоталитарным прошлым, выдававших желаемое за действи-

тельное и искоренявших «субъективизм» в исторической науке, изучены, наверное, в меньшей степени, чем менталитет эпохи А. С. Пушкина и декабристов.

Зигзаги нашей политической истории и связанное с этим переосмысление прошедшего породили известное заявление У. Черчилля: «Россия – страна с непредсказуемым прошлым», парафраз формулы немецких романтиков Ф. Шлегеля и Ф. фон Гарденберга (Новалиса): «Историк – это пророк, предсказывающий прошлое». Следствием общепринятого положения о том, что позиция исследователя, его язык описания, его культурные установки и система ценностей имплицитно присутствуют в категоризации, описании объекта или события (в нашем случае исторического), становится плюрализм, множественность моделей описания прошлого.

Так возможно ли объективное изучение прошлого и существует ли исторический факт как непреложная данность?

Пытаясь ответить на эти вопросы, сравним представления ленинской теории отражения (на которой было воспитано старшее поколение психологов) конструктивистского и интуитивистского подходов. Многие психологи могут возразить, что они давно отошли от метафоры отражения и это пройденный этап в методологии психологии. Но найдутся и ее явные сторонники. И тем и другим я могу продемонстрировать множество психологических текстов, где пишется о соответствии теоретических построений «объективной действительности», «психологической реальности», «социальной действительности». При этом подразумевается некая онтологическая данность, существующая сама по себе безотносительно позиции исследователя, и ставится вопрос, насколько тот или иной образ, та или иная характеристика или оценка соответствуют действительности.

Один из наиболее ярких отечественных приверженцев естественно-научной парадигмы В. М. Аллахвердов (2005) выразил подобную позицию следующим образом: ученый стремится узнать то, *что есть на самом деле*, но всегда вносит в это знание нечто такое, чего на самом деле нет. Ученый является лишь искателем истины, а не ее носителем. Эти представления характеризуют позицию многих не только отечественных, но и зарубежных ученых. Как отмечает Х. Патнэм (2002: 9), «сегодня многие философы, а возможно, большинство, поддерживают некоторую версию “копирующей теории истины” – т. е. концепцию, согласно которой утверждение является истинным в том случае, если оно соответствует (независимым от сознания) фактам».

Действительно, теория отражения (или версия «копирующей теории истины») имплицитно содержится в мировосприятии большинства психологов и философов. Особенно парадоксально это звучит в тематике общения, межличностного восприятия, сознания и самосознания, где, казалось бы, уже сама проблематика подразумевает пристрастного наблюдателя, включенного в изучаемый процесс.

Интересно, что ортодоксальные марксисты не замечали противоречия между положением о возможности бесконечного приближения к истине в познании «объективной реальности» и утверждаемым ими же положением о классовой природе знания. Последнее, по сути, ближе культурологическому релятивизму Шпенглера (1993), рассуждавшего о специфике греческого, арабского или новоевропейского («фаустовского») мироощущения и возможности в рамках этих различных картин мира различных форм логики и математики.

Добавим, что наиболее глубокие советские философы и психологи (вынужденные под мощным давлением тоталитарной идеологии прикрываться клише типа «диалектического материализма») выходили за жесткие рамки теории отражения или ее психологической производной – «теории уподобления», фиксируя включенность позиции субъекта как в его картину мира (А. Н. Леонтьев), так и в его бытие (С. Л. Рубинштейн). Взамен бессубъектного понятия «действительность», вероятно, под влиянием М. Хайдеггера (об этом свидетельствует, в частности, использование хайдеггеровского понятия *онтического*), Рубинштейн в книгах «Бытие и сознание» и «Человек и мир» ввел в психологическую теорию понятие «бытие». «Бытие как таковое, – писал он, – как сущее – это исходное, первично данное, необходимо предполагает мое познание, т. е. человека, существование сущего и познаваемого» (Рубинштейн 1998: 9).

По Рубинштейну, мир есть «организованная иерархия различных способов существования, точнее – сущих с различным способом существования» (Там же: 10). Вместо бессубъектной «объективной действительности» объектом психологического рассмотрения и осознания оказывается «мир существования как мир человеческого страдания» (Там же: 19). Психологи стремились выйти за рамки натуралистически-материалистической парадигмы теории познания, уже преодоленной в таких областях науки, как релятивистская и квантовая физика, отчасти семиотика и структурная лингвистика.

Наиболее радикально порывает с традицией онтологизации познавательных моделей конструктивистский подход или конструктивистская парадигма в эпистемологии и теории познания. «Конструктивность – полагает И. Т. Касавин (2000: 21), – едва ли не главное отличие человеческого познания... Знаково-символические системы, стихийно возникая как эпифеномен деятельности и общения, приобретают затем относительную самостоятельность, и мыслительная работа с ними не только сопровождает все проявления человеческой активности, но является условием ее возможности. Познание не есть копирование некоторой внешней познаваемой реальности, но внесение смысла в реальность, создание идеальных моделей, позволяющих направлять деятельность и общение и приводить в систему состояния сознания».

Жесткий конструктивизм выражает немецкий философ П. Элен (1999: 84): «Лежит ли в основе познания какая-либо действительность, мы не можем знать; высказывания на эту тему, и в первую очередь все метафизические понятия – субстанция, бытие, сущность – суть наши конструкции и лишены какого-либо реального основания». При этом автор цитирует категорическое суждение американского философа Р. Роти: «Понятия, в которых сформулированы традиционные вопросы западной философии, были полезны прежде, но сегодня они бесполезны».

Истоки конструктивистских идей можно найти у В. Гумбольдта (1984: 9): «Различные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его». Эта мысль продолжена авторами гипотезы лингвистической относительности (гипотезы Сепира – Уорфа). «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком, мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит – в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании... Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при относительности языковых систем» (Уорф 1960: 174).

Конструктивизм уже завоевал доминирующую позицию в социологии (П. Бергер, Т. Лукман), в этнологии и антропологии

(Ф. Барт, Э. Галлер, Э. Хобсбаум, В. А. Тишков). Предшественником конструктивизма в обществоведении можно считать основоположника феноменологической социологии А. Шюца. «Даже в повседневной жизни, – полагал он, – восприятие предмета представляет собой нечто большее, чем просто чувственную презентацию. Это объект мышления, конструирует высокосложной природы, включающий в себя не только определенные формы последовательности его конструирования во времени как объекта отдельного чувственного восприятия, скажем, зрения, но и пространственных отношений, чтобы конституировать его как чувственный объект нескольких чувств, скажем, зрения и осязания, но также и вклад воображения, завершаемый гипотетическим чувственным представлением. Иными словами, так называемые конкретные факты обыденного восприятия не столь конкретны, как кажутся. Они уже включают в себя абстракции высокосложной природы, и мы должны принять их во внимание во избежание неуместной здесь иллюзии конкретности» (Шюц 2004: 7).

Яркий пример конструктивизма в социологии представляет концепция «общества, основанного на знаниях», Н. Стера (Stehr 1994), которая восходит к идеям Р. Лейна, П. Дракера, Д. Белла, Р. Аарона. В психологии родоначальником конструктивизма можно считать Л. С. Выготского, заложившего основы культурно-исторической теории. Идея формирования «нового человека», которую разделял Выготский в аспекте построения реальности под некий идеал, по сути конструктивистская (утопизм тоже форма конструктивизма). В бурном революционном начале XX века идеи конструктивизма были широко распространены в архитектуре (Г. Земпер, Ле Корбюзье, В. Е. Татлин, И. И. Леонидов), живописи, поэзии (К. Л. Зелинский, И. Л. Сальников, А. Н. Чичерин, В. Инбер, отчасти Э. Г. Багрицкий).

Идея: «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем / Мы наш, мы новый мир построим...» – не только звучала рефреном в умонастроениях леворадикальных политиков (и жаждущих перемен широких масс), но и служила лейтмотивом творчества значительной части гуманитариев, для которых отказ от ветхозаветной модели неизменного во времени человека означал возможность творческой эволюции человечества к справедливому обществу. Последовавший переход в идеологии от революционного романтизма и футуризма (которые можно условно назвать «леворадикальным конструктивизмом») к теории отражения и «социалисти-

ческому реализму» является косвенным свидетельством отклонения маятника идеологии от революционных к предельно консервативным формам мировоззрения, фиксирующим «единственно верную точку зрения». Проявлением этого консерватизма в политике стало утверждение однопартийной системы, в экономике – практически возврат к крепостному праву в деревне и рабский, принудительный труд в ГУЛАГе, в науке же консерватизм вылился в требование единомыслия.

Молодые коллеги Ф. Барский и А. Улановский в частной беседе обратили мое внимание на то, что и представители школы Выготского – Лурии – Леонтьева, декларируя приверженность ленинской теории отражения, стояли на позициях конструктивизма. С этим можно согласиться только отчасти. В условиях жесткого идеологического давления даже само методологическое обсуждение неких иных принципов кроме официально декларируемых было просто немислимым, и гипотетический методологический спор быстро перешел бы (история отечественной науки знает множество тому трагических примеров) в плоскость «быть или не быть» в чисто физическом плане. И наши учителя вынуждены были часто прибегать к охранительной терминологии, дающей индульгенцию на идеологическую чистоту. Так, этнопсихологические исследования А. Р. Лурия (Выготский, Лурия 1930) культурно-исторической специфики познавательных процессов, его же идеи функционального органа, не имеющего морфофизиологической привязки и возникающего под решение конкретной задачи, на мой взгляд, в методологическом плане резонансны идее «множественности возможных миров» (Хинтиikka 1980) или моделей «потребного будущего», в терминах Н. А. Бернштейна (1966).

В зарубежной психологии наиболее последовательную конструктивистскую позицию занимал создатель теории личностных конструктов Дж. Келли (2000; Kelly 1955). Его известное положение о том, что «психические процессы канализируются по руслам тех конструктов, в рамках которых антиципируются события», является по духу конструктивистским. Забегая вперед, отмечу: дальнейшее развитие идей Келли в рамках отечественной психосемантики (Петренко 1983; 1997; Петренко, Митина 1997; Шмелев 1983; 2002) неизбежно интегрирует идеи конструктивизма и интуитивизма, ибо построение многомерных семантических пространств как операциональных моделей сознания и фиксация коннотативных значений (смыслов субъекта, связанных с анализируемыми

объектами) дают своеобразную ориентировочную основу для эмпатии, встраивания в сознание, картину мира другого. Хотя само сопереживание (эмпатия) имеет не рационалистически конструктивистскую, а интуитивистскую природу.

На мой взгляд, конструктивизм в психологической науке содержит несколько базисных составляющих. Речь идет об идее познания как построения (познавать – значит динамически воспроизводить объект, но чтобы воспроизводить, нужно уметь производить); идее модельности в познании как понимания того, что различные теории не копируют, а моделируют реальность («карта – это не есть территория» [Гриндер, Бэндлер 1994]); идее плюрализма истинности как понимания правомочности множества конкурирующих моделей, адекватность которых может определяться не наличным, а еще «не ставшим» (находящимся в развитии бытием); наконец, о собственно идее конструктивизма, заключающейся в том, что познание не только описывает, но и творит реальность и теоретические модели по принципу кольцевой причинности участвуют в созидании мира (познание – как конструирование, внесение в мир нового) (Петренко 2002).

Стихийный конструктивизм имманентно присущ психотерапии как системе психологических технологий, призванных перестроить «психический мир» пациента, рациональной психотерапии, адептом которой являлся Келли, и особенно нарративной психотерапии (М. Мэхони и др. – см.: Соколова 2002), где рассказ пациента о прошлом и перекомпозиция этого рассказа с иными акцентами на произошедшие события и переживания ведут к перестройке автобиографической памяти (Нуркова 2000) и, как следствие, изменению личности.

Конструктивистские методы способны выполнять важную роль в исторической психологии. Методическими средствами могло бы служить построение семантических пространств на основе тезаурусов исторических текстов. Такого рода исследования вполне реализуемы, хотя и требуют компьютерной обработки огромных массивов документальных материалов. Трактовка же семантических пространств как ментальных карт прошедших эпох неизбежно содержит интерпретационный плюрализм и различные герменевтические версии.

Если в эпистемологической парадигме теории отражения когерентной является общественно-формационная модель истории с «объективными законами развития», включающая идею «эквиви-

нализма» самого исторического процесса, то конструктивистская модель подразумевает как вариативность возможных сценариев будущего, так и плюрализм в версиях прошлого. Обе указанные парадигмы включают некую методологию и систему научных методов опосредованного изучения исторического процесса и менталитета людей, его реализующих. Для формационной модели он прямо детерминирован социальной принадлежностью индивида.

Психосемантический подход к исследованию сознания и личности в психологической науке традиционно относят к когнитивной парадигме, которая, в свою очередь, является одной из версий конструктивизма. Психосемантика использует аппарат многомерной статистики для построения пространств, выступающих операциональной моделью индивидуального и общественного сознания. Отдельные параметры этих пространств отражают когнитивную организацию сознания индивида. Размерность семантического пространства (число независимых факторов) отражает когнитивную сложность личности в данной содержательной области. Семантические склейки дескрипторов языка описания выделяют личностные конструкты как индивидуальные эталоны категоризации. Мощностные выделенных факторов (перцептуальная сила признака), выраженная во вкладе фактора в общую дисперсию, отражает субъективную значимость для индивида данного основания категоризации. Наконец, координаты коннотативных значений в семантическом пространстве (как проекции образов анализируемых объектов на координатные оси семантического пространства) выступают коррелятами *личностного смысла* (термин Леонтьева), с которым связан анализируемый объект. Казалось бы, семантический аппарат дает достаточно формализованную модель содержания сознания, и отнесение психосемантики к когнитивной парадигме вполне правомочно. Но в отличие от объектного описания, присущего естественно-научной парадигме в психологии, субъективные семантические пространства выступают для интерпретатора не как модельный объект, изоморфный объекту исследования. В герменевтике естественные науки трактуются как науки о познании, а гуманитарные – о понимании.

Применительно к построению субъективных семантических пространств Ч. Осгуд, один из основателей психосемантического подхода (и автор метода семантического дифференциала), рассматривал семантическое шкалирование как «поддержанную интроспекцию». С нашей точки зрения, система личностных смыслов,

представленных в семантическом пространстве облаком координат коннотативных значений, выступает ориентировочной основой процесса эмпатии, встраивания сознания исследователя в мироощущение другого (или в свое собственное – при исследовании самосознания). Иначе говоря, интерпретация построенных семантических пространств как необходимое и важнейшее звено психо-семантического анализа необходимо включает эмпатийно-интроспективную составляющую. Интроспекция – непосредственное (прямое) знание собственной психической жизни, – справедливо раскритикованная многими психологическими школами (от бихевиоризма и психоанализа до теории деятельности и когнитивной психологии), остается, тем не менее, ведущим источником информации о психической жизни субъекта. Ведь подчас «забывается», что тексты испытуемого, составляющие основной источник информации для психолога-исследователя и практика, порождаются на основе интроспекции (самоотчета) испытуемого. И здесь, в наших теоретических построениях и рассуждениях, мы перекидываем мостик между конструктивизмом и интуитивизмом как взаимосвязанными и необходимыми процессами построения идеальных моделей в познании. Отметим, что в математике эта связь вырисовывается с очевидностью (Непейвода 2001).

Поэтому интуитивистский подход, обеспечивающий прямое, непосредственное знание через эмоциональную эмпатию, способен существенно дополнить конструктивизм в историко-психологическом исследовании. Суть психологического исследования методом эмпатии можно иллюстрировать на примере знаменитой «прогулки сэра Ф. Гальтона». Гальтон – выдающийся психолог, основатель психометрики, однажды решил на своеобразный эксперимент. «Прежде чем отправиться на ежедневную прогулку по улицам Лондона, он внушил себе: “Я – отвратительный человек, которого в Англии ненавидят все!” После того как он несколько минут концентрировался на этом убеждении, что было равносильно самогипнозу, он отправился, как обычно, на прогулку. Впрочем, это только казалось, что все шло как обычно. В действительности произошло следующее. На каждом шагу Фрэнсис ловил на себе презрительные и брезгливые взгляды прохожих. Многие отворачивались от него, и несколько раз в его адрес прозвучала грубая брань. В порту один из грузчиков, когда Гальтон проходил мимо него, так саданул ученого локтем, что тот плюхнулся в грязь. Казалось, враждебное отношение передалось даже животным. Когда он

проходил мимо запряженного жеребца, тот лягнул ученого в бедро так, что он опять повалился на землю. Гальтон пытался вызвать сочувствие у очевидцев, но к своему изумлению услышал, что люди принялись защищать животное. Гальтон поспешил домой, не дожидаясь, пока его эксперимент приведет к более серьезным последствиям» (Степанов 2001; см. также: Мэй 2001).

Эта история описана во многих зарубежных учебниках психологии. Из нее, пишет С. С. Степанов, можно сделать два важных вывода: «Человек представляет собой то, что он о себе думает» и «Нет необходимости сообщать окружающим о своей самооценке и душевном состоянии. Они и так почувствуют» (Степанов 2001: 17).

Интуитивистский подход наиболее последовательно представлен в философии А. Бергсона (1998). В интуитивистской парадигме (в исторической психологии, скорее потенциально возможной, чем реально существующей, и связанной скорее с религией и теософией, чем с позитивной наукой) предполагается возможным непосредственное восприятие исторической ментальности и (в пределе), исторического факта как непосредственно наблюдаемого события.

В новаторской работе «Творческая эволюция» Бергсон писал о принципиальной невозможности научными методами, годными только для фиксации синхронических (фотографических, в терминах Бергсона) срезов, описать живое движение, динамику эволюционирующего (в нашем случае – исторического) процесса. Применительно к биологической эволюции философ ввел понятие интуиции, интуитивного вчувствования одного живого существа в психику другого как механизм прямого знания. Так, рассуждал Бергсон, оса безошибочно наносит жалящий укол в нервные ганглии гусеницы (чтобы в дальнейшем использовать ее как пищу для собственной личинки) не путем научения (через систему проб и ошибок, объяснили бы бихевиористы), а непосредственно чувствуя, ощущая в себе самой эти ганглии и их местоположение (т. е. моделируя средствами своей психики самоощущение другого существа). Аналогичный пример приводит П. Бренер. Он попробовал лечить с помощью акупунктуры жеребца, который покрывал кобылу и при этом повредил себе спину: «Прикинув, в каком бы месте у меня начала стрелять спина при активных занятиях любовью, я быстро воткнул двухдюймовую иглу в спину лошади с апломбом китайского мастера-мудреца, который вылечил тысячи больных жеребцов» (Бренер 2003: 38). Попытка увенчалась успехом, и жеребец выздоровел.

Возможность интуитивной эмпатии Бергсон объясняет наличием общих эволюционных корней у живых существ. Это чувство единства всего живого, генетического родства с миром животных и даже растений может непосредственно переживаться тонкими поэтическими натурами. «Со всей этой летающей, плавающей, бегающей тварью я чувствую родственную связь, и для каждой в душе есть образ-памятка, всплывающий в моей крови через миллионы лет: все это было во мне, гляди только и узнавай...», «Мы потеряли способность плавать, как рыбы, и качаться на черенке, прикрепленном к могучему стволу дерева, и носиться из края в край семенными летучками, и все это нам нравится, потому что это все наше, только было очень, очень, очень давно» (Пришвин 1928: 44).

Основоположник трансперсональной психологии С. Гроф (1994) полагает возможным в измененных состояниях сознания проникать в опыт предыдущих реинкарнаций (воплощений) человека. Глубина памяти, возможно, опускается вниз по эволюционному генетическому древу, и в глубинах человеческого бессознательного содержится информация о наших далеких животных предках. По крайней мере, это справедливо относительно морфологических трансформаций в ходе эмбриогенеза (от «рыбки» к человеческому существу). Можно высказать гипотезу и об эмбриогенезе психики, ведь доказано, что психика ребенка развивается в утробе матери, и он чувствует ее состояние, слышит музыку и т. д. Но ведь эти способности с чего-то начинались? Поэтому представляется разумным предположение о сохранении в человеческом бессознательном надындивидуального опыта предков. Ключом, способным открыть это хранилище, может выступать гипноз. «Знакомая из биологии формула “онтогенез повторяет филогенез” справедлива не только по отношению к закономерностям физического развития человека, но и применительно к становлению его психических функций» (Гримак 2004: 10).

Предлагаемое ниже описание, взятое из психотерапевтической практики моего друга и сотрудника гипнолога В. В. Кучеренко, может иметь множество различных интерпретаций. Одна из интерпретационных версий работает на гипотезу даже не родовой, а «типовой» (тип позвоночных) памяти.

Пациентка наряду с психосоматическими расстройствами страдала булимией (обжорством без насыщения). В юности она училась в балетной школе и вынуждена была ограничивать себя в еде. Иногда она срывалась и втайне от окружающих поедала пирожные,

испытывая потом сильнейшее чувство вины. Оставаясь стройной и миниатюрной, она воспринимала себя толстой и непомерно разевшейся. Во время гипнотического сеанса ею был воспроизведен опыт переживания той далекой молодости, даже детства, когда ее балетный партнер, застав ее за пожиранием пирожка, отвесил ей оплеуху и назвал «коровой» (ведь ему требовалось поднимать ее при исполнении па-де-де). Ненасытное чувство голода преследовало ее и во взрослом состоянии. В состоянии гипнотического сеанса психотерапевт отправлял пациентку в иллюзорную реальность «греческого пира», в обильное застолье усадьбы русского барина и даже в оргию первобытного племени, праздноующего добычу мамонта. Но нигде воображаемая ситуация не позволяла ей насытиться. Например, в последней ситуации аппетитный поджаренный на костре кусок мамонятины у нее грубо отнял здоровенный амбал в звериной шкуре, и ей осталось только обиженно скулить о незаслуженной обиде. Блаженство насыщения она смогла пережить только в гипнотическом сеансе в образе птеродактиля, когда социальные запреты были сняты, и в теле доисторического животного она смогла реализовать свои нереализованные желания. Барражируя на своих перепончатых крыльях и испытывая, как она сама потом выразилась, «чувство территориального хищника» («моя территория, моя добыча»), и затем, спикировав на воображаемое земноводное (крупное и вкусное типа эволюционного предка жабы), она с неизъяснимым удовольствием сожрала его. С тех пор нормальное чувство сытости стало регулярно возникать у нее в реальной жизни.

Возможность интуитивной эмпатии русский философ Серебряного века Н. О. Лосский объяснял координацией «субстанциональных субъектов» – своего рода резонансом душ живых существ. Применительно к общению людей эмпатическим камертоном взаимопонимания выступает эмоциональная близость.

Так, опираясь на этнографические зарисовки южноафриканского писателя Л. Грина, психолог А. Г. Сулейманян (2003) обсуждает возможность телепатической связи между членами первобытного племени. По мнению Грина, «язык дымов» африканских бушменов и австралийских аборигенов, с помощью которого передаются довольно детальные сообщения, не является языком в собственном смысле слова, так как скорость передачи сообщений слишком велика для примитивной сигнальной системы. Костры – только стимул, призывающий туземцев настроиться на прием сообщения. «Я развожу костер для того, чтобы другие знали, что я уже начал

думать, – объяснял один австралийский абориген писателю. – И они тоже начинают думать, пока наши мысли не совпадают» (Грин 1966: 43).

Анализируя текст книги Грина, Сулейманян сопоставляет его с психологической литературой по телепатии и связывает ее со способностью туземцев к крайнему сосредоточению внимания (приущемому и животным), а также очень тесными и близкими отношениями между собой членов племени. Сходные телепатические феномены, по мнению автора, могут наблюдаться и у «цивилизованных людей» в экстраординарных обстоятельствах. Например, есть множество свидетельств того, что матери испытывают, казалось бы, беспричинную тревогу по поводу детей, находящихся за многие сотни километров и действительно попавших в это время в беду.

Методы, обеспечивающие контролируемое сопереживание, разрабатывает гуманистическая психология, а конкретнее – групповая психотерапия в духе К. Роджерса. В ее рамках достигается так называемое измененное состояние сознания, своеобразное нервное возбуждение, в определенный момент охватывающее одновременно всех участников группы и ощущаемое как единое напряженное поле.

Роджерс (2002) приводил самоотчеты участников психотерапевтической группы, говоривших о глубоком духовном переживании, ощущении единого духа группы. Люди дышали вместе, чувствовали вместе, даже говорили друг за друга, и чувствовали мощь «жизненной силы» (чем бы она ни была), наполнявшей каждого. Стерлось привычное деление на «я» и «ты» – это было похоже на медитативное ощущение, когда каждый чувствовал себя центром сознания. И вместе с этим экстраординарным ощущением единства никогда еще так ясно не сохранялась настоящая отдельность каждого человека.

В отличие от акцентуации ценности и неповторимости бытия отдельной личности в философии экзистенциализма и гуманистической психологии, в восточной буддистской традиции культивируется идея ухода от «индивидуальной биографии», от уникальности личности к идее интеграции, близкой к соборности в христианской традиции.

В дзен-буддизме возможность актуализации в сознании человека предыдущего исторического опыта связана с идеей иллюзорности бытия отдельной личности (принцип *анатта*) и идеей общности всего живого как формы воплощения единого духа. Противо-

поставление «тварного» мира как пространственно-временного, в котором только и возможна история, сверхпространственному и сверхвременному «Я» – «субстанциональному деятелю» (в терминах Лосского) – присуще и русской религиозной и околорелигиозной философии бытия. «Так как субъект есть существо сверхвременное и сверхпространственное, – писал Лосский, исходя из представления о бессмертии души, – то и координация его с объектами не есть пространственная близость и не есть сосуществование во времени; это связь субъекта с миром, стоящая выше всякой пространственной и временной раздробленности. Поэтому возможно знание о предметах, далеких от моей теперешней жизни во времени. На этом основании может быть выработана интуитивистская теория памяти, согласно которой воспоминание есть интенциональный акт, направленный субъектом через пропасть времени прямо на событие, пережитое или воспринятое вчера или даже 20–30 лет тому назад; при этом акт воспоминания есть теперешнее событие, а вспоминаемое есть само прошлое в подлиннике, опять наличествующее в сознании» (Лосский 1992: 151).

В любом случае, безотносительно к возможным интерпретациям, идея исторической памяти на все события и все деяния человечества и отдельных индивидов заслуживает внимания (по крайней мере, в психотерапевтическом плане, так как обеспечивает если и не личное бессмертие, то по крайней мере всеобъемную и бесконечную память о всем нашем бытии). Аргументами в пользу этой идеи могли бы быть следующие соображения. Индивидуальная человеческая память содержит, по мнению Лурия, практически все события, происшедшие с человеком в ходе его жизни. Эксперименты Х. Дельгадо по электростимуляции мозга позволили ему утверждать, что «нейроны сохраняют полную запись прошлых событий, включая всю сенсорную информацию (зрительную, слуховую, проприоцептивную и т. д.), а также эмоциональное звучание событий» (Дельгадо 1971: 154). Созвучны этому выводу и результаты экспериментов Б. М. Величковского по определению объема долговременной памяти визуального материала, и гипнотические опыты по извлечению из пассивной памяти свидетеля событий прошлого.

Память интегрального сознания или Вселенной, эволюционирующей миллиарды лет, вполне могла бы содержать механизмы, обеспечивающие фиксацию и хранение всей информации обо всем произошедшем и пережитом. Вспомним по сути религиозное про-

рочество М. А. Булгакова: «Рукописи не горят». Конечно, подобное допущение в науке, согласно принципу Оккама «Не умножать сущности без нужды», должно бы быть элиминировано. Но не укладываются в естественно-научную парадигму линейного времени «вещие сны», предчувствия и пророчества, ощущения присутствия в себе других личностей («вселение бесов»), парадоксальное ощущение – чувство менталитета – не высказавших свои переживания, страдания других людей. Примером тому – переживания никогда не сидевшего А. Галича, остро чувствовавшего и описавшего мироощущение зеков, населявших ГУЛАГ; никогда не воевавшего В. Высоцкого, через военные песни которого возопили души гибнущих и погибших солдат; авторов высококачественных исторических романов, с удивительной достоверностью описывающих мироощущение людей из далеких исторических эпох.

Какими средствами творческой эмпатии осуществляется подключение к этим историческим ментальным эгрегорам таких писателей, как А. С. Пушкин, Т. Манн, Л. Фейхтвангер или Л. Н. Толстой, мы еще не знаем. Перефразируя слова Тиля Уленшпигеля в романе Ш. де Костера – «пепел прошлого стучит в нашем сердце», – вспомним, что белки и углеводы, из которых состоит наше тело, включают атомы тяжелых элементов, синтезированные в недрах давно взорвавшихся звезд первого поколения. Вещество нашей плоти настолько древнее, что мы не можем однозначно отрицать возможные адаптационные механизмы хранения информации самой этой материей, возникшие за миллиарды лет космической эволюции, или не допустить иных гипотетических механизмов памяти и самосознания Вселенной. Можно полагать, что в нашем подсознании присутствуют не только коллективные юнговские архетипы (экспериментально не доказанные, но широко используемые в теоретических построениях), но и другие формы эволюционной памяти и исторического опыта.

Ключ, открывающий доступ к «генетической» памяти человечества, могут дать формы измененных состояний сознания (Миндел 2004; Тарт 2003; Хант 2004; Кучеренко и др. 1998; Феррер 2004; Майков, Козлов 2004; Спивак 2002) и в частности медитация (Конзе 1993; Andresen 2000). Обратив медитативный взгляд внутрь себя, реализовав призыв древних мыслителей: «Познай самого себя» и осуществив своеобразную «ментальную археологию», мы обретем еще один ключ к познанию истории.

Литература

- Аллахвердов, В. М.** 2005. Блеск и нищета эмпирической психологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики* 2(1): 44–65.
- Бергсон, А.** 1998. *Творческая эволюция*. М.: Канон-пресс.
- Бернштейн, Н. А.** 1966. *Очерки по физиологии движений и физиологии активности*. М.: Медицина.
- Бренер, П.** 2003. *Будда в приемной*. Киев: София.
- Выготский, Л. С., Лурия, А. Р.** 1930. *Этюды по истории поведения*. М. – Л.: Гос. изд-во.
- Гримак, Л. П.** 2004. *Тайны гипноза. Современный взгляд*. СПб.: Питер.
- Грин, Л.** 1966. *Последние тайны старой Африки*. М.: Мысль.
- Гриндер, Д., Бэндлер, Р.** 1994. *Формирование транса*. М.: Каас.
- Гроф, С.** 1994. *Области человеческого бессознательного*. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та.
- Гумбольдт, В.** 1984. *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс.
- Гуревич, А. Я.** 1972. *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство.
- Дельгадо, Х.** 1971. *Мозг и сознание*. М.: Мир.
- Касавин, И. Т.** 2000. *Традиции и интерпретации*. СПб.: РХГИ.
- Келли, Дж.** 2000. *Теория личности. Психология личностных конструкций*. СПб.: Речь.
- Конзе, Э.** 1993. *Буддийская медитация*. М.: Речь.
- Кучеренко, В. В., Петренко, В. Ф., Россохин, А. В.** 1998. Измененные состояния сознания: психологический анализ. *Вопросы психологии* 3: 70–78.
- Лосский, Н. О.** 1992. *Учение о перевоплощении. Интуитивизм*. М.: Прогресс.
- Майков, В., Козлов, В.** 2004. *Трансперсональная психология. Истоки, история, современное состояние*. М.: АСТ.
- Миндел, А.** 2004. *Сновидения в бодрствовании*. М.: АСТ.
- Мэй, Р.** 2001. *Сила и невинность*. М.: Смысл.
- Непейвода, Н. Н.** 2001. Интуитивизм. *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. Т. 2: 136–138. М.: Мысль.
- Нуркова, В. В.** 2000. *Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности*. М.: УРАО.
- Патнэм, Х.** 2002. *Разум, Истина и история*. М.: Праксис.
- Петренко, В. Ф.**
1983. *Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании*. М.: МГУ.
1997. *Основы психосемантики*. М.: МГУ.
2002. Конструктивистская парадигма в психологической науке. *Психологический журнал* 3: 113–121.

Петренко, В. Ф., Митина, О. В. 1997. *Психосемантический анализ динамики общественного менталитета*. М.: МГУ.

Пришвин, М. М.

1928. *Собр. соч.*: в 7 т. Т. III. *Родники Берендея*. М. – Л.: Гиз.

1977. *Родники Берендея*. М.: Советская Россия.

Роджерс, К. 2002. Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход в психотерапии. *Московский психотерапевтический журнал* 1: 48–58.

Рубинштейн, С. Л. 1998. *Человек и мир*. М.: Наука.

Соколова, Е. Т. 2002. *Психотерапия: Теория и практика*. М.: Академия.

Спивак, Д. Л. 2002. *Измененные состояния сознания*. СПб.: СПбГУ.

Степанов, С. С. 2001. *Психология в лицах*. М.: ЭКСМО.

Сулейманян, А. Г. 2003. О «языке дымов» бушменов. *Проблемы медиапсихологии-2: материалы секции «Медиапсихология» Международной науч.-практ. конф. «Журналистика в 2002 г.: СМИ и реалии нового века / ред.-сост. Е. Е. Пронина (с. 96–103)*. М.: МГУ.

Тарт, Ч. 2003. *Измененные состояния сознания*. М.: ЭКСМО.

Тойнби, А. Дж. 1991. *Постижение истории*. М.: Прогресс.

Уорф, У. Л. 1960. Наука и языкознание. *Новое в лингвистике / ред.-сост. В. А. Звегинцева. Вып. 1 (с. 174–175)*. М.: Изд-во ин. лит-ры.

Феррер, Х. 2004. *Новый взгляд на трансперсональную теорию*. М.: АСТ.

Хант, Г. 2004. *О природе сознания*. М.: АСТ.

Хинтиikka, Я. 1980. *Логико-эпистемологические исследования*. М.: Прогресс.

Шмелев, А. Г.

1983. *Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности*. М.: МГУ.

2002. *Психодиагностика личностных черт*. СПб.: Речь.

Шпенглер, О. 1993. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. М.: Мысль.

Щюц, А. 2004. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М.: РОССПЭН.

Элен, П. 1999. Удивление – пафос философской мысли. *Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления / под ред. И. Т. Касавина, В. Н. Поруса (с. 74–92)*. СПб.: РХГИ.

Andresen, J. 2000. Meditation Meets Behavioural Medicine: The Story of Experimental Research on Meditation. In Robert, K. C. (ed.), *Cognitive Models and Spiritual Maps* (pp. 43–55). N.Y.: Bowling Green.

Kelly, G. A. 1955. *The psychology of personal constructs*. N. Y.: Norton & Company.

Stehr, N. 1994. *Knowledge Societies*. L.: Sage.